

"Ну, учитывая, что это дело безвозмездное, я очень сомневаюсь, что мне придется беспокоиться о Комиссии по ценным бумагам и биржам, не так ли?", - ответила я.

"Сомневается она. Послушай, Шефер. Если мне позвонят из любой части алфавитного супа - ФБР, Американский союз защиты гражданских свобод, Национальная ассоциация студенческого спорта, или кто угодно еще - последствия не понравятся никому из нас".

Либерман открыл один из ящиков своего стола и порылся в нем, пока наконец не вспомнил, что бросил курить два месяца назад - его жена, ворвавшаяся в фирму, к счастью, была увековечена на "Полароиде", когда произошла эта перепалка.

Вместо этого он просто угрюмо уставился на стеклянную пепельницу между нами и вздохнул.

"Мне очень жаль. Это было непрофессионально с моей стороны. Но мне нужно, чтобы вы поняли, насколько это серьезно".

"Сэр?"

Перемена в атмосфере была почти осязаемой. Хотя она, конечно, не была спокойной, но и не было ощущения, что меня собираются избить.

Такого Либермана я не видела с тех пор, как... ну, это было два с половиной года назад, когда он проиграл дело в апелляции, а через неделю полиция нашла нашего клиента плавающим в Гудзоне. Он был хмурым, покорным - но в то же время решительным. Он был уверен, что не допустит повторения подобного фиаско.

"Сколько прошло, три года с тех пор, как вы стали старшим юристом?"

"Уже скоро", - согласилась я. "Два года и.... девять месяцев? Десять?"

"Ты можешь подумать, что я сдерживаю тебя, потому что ты дама. Но это не так", - Либерман бросил короткий взгляд на подписанную фотографию Джеральдины Ферраро и себя, пожимающих друг другу руки, висевшую у него на стене. Ты хороший адвокат, Шефер, даже если у меня от тебя адское давление.

Зал суда, депозиты, документы - ты мой ключ. Но это не партнерская работа. Ведение переговоров, мягкие продажи, заключение сделок, привлечение новых клиентов, новых друзей. И это еще до того, как мы доберемся до вашей репутации. Напомните мне, сколько раз судьи угрожали вам неуважением к суду?"

"По-моему, четыре судьи, семнадцать раз", - предположила я, ничуть не смущаясь.

Все было для того, чтобы убедиться, что присяжные услышат то, что я хотела, чтобы они услышали это до начала совещания, и это того стоило.

"Мы не можем рисковать тем, что на партнера наложат санкции, Шефер. Или, что еще хуже, лишат лицензии".

Я ахнула.

"Лишат лицензии? Сэр, я...."

"Эндрюс, блядь, пенился, когда ты в последний раз устроила свое дерьмо", - Либерман практически плюнул в меня. "Мне пришлось бросить девятку, чтобы выпустить яд".

Я не смогла сдержать ни видимого вздрагивания, ни шипения. Учитывая, в каком восторге был мой босс, когда несколько человек из нашего отдела помогли купить ему новый набор клюшек для ежегодной праздничной вечеринки, я могла легко поверить, что сознательно позволить себе проиграть столько раундов было для него все равно что вырвать зубы. Это также объясняло, почему за последние несколько месяцев он не смог сказать мне ни одного дружеского слова или поддержать меня во время круглых столов.

Я обналичивала фишки, о которых даже не подозревала.

"Итак, это дело", - Либерман откинулся на стуле и сцепил руки перед собой. "Вы вернетесь к Эндрюсу. Не думайте об этом как о наказании. Это не так. Это проклятая бомба высокого уровня, которую я бросаю тебе на колени, потому что мне нужно знать, сможешь ли ты деликатно справиться с подобной ситуацией. Победа - это хорошо. Уступки - это хорошо. Дважды за свою карьеру попасть на первую страницу "Багл" - это чертова пародия. Не делай этого в третий раз".

"... поняла", - сказала я с сожалением. "Будет ли что-нибудь еще, сэр?"

"Сейчас нет", - сказал Либерман, откидываясь в кресле. "Просто держи свою задницу чистой для этого дела. Окружной прокурор, Лу Янг? Ему предстоит переизбрание, и он думает, что это дело поможет ему".

Это... настораживало до крайности, и если сочувственный кивок Либермана был хоть каким-то признаком, то это наверняка отразилось на моем лице.

Луис Янг был восходящей звездой в прокуратуре - ходили слухи, что он поглядывает на кресло мэра. Агрессивная тактика принесла ему несколько крупных побед в начале карьеры; учитывая, насколько серьезным было это дело, он не станет играть честно, если я не заставлю его держать нос в чистоте.

"А теперь иди, тебе нужно встретиться с клиентом и подготовиться к предъявлению обвинения".

"Вас поняла", - я направилась к матовой стеклянной двери офиса, но на мгновение остановилась, когда мне в голову пришла одна мысль. "Сэр, когда вы говорите, что это немного бомба. О какой бомбе идет речь?"

"Ты хочешь быть напарником, Шефер?", - я кивнула. "Тогда почему бы вам не сказать мне, насколько все плохо, после предъявления обвинения".

Я вздохнула.

Это был... самый худший ответ, который он мог мне дать.

"Поняла. Спасибо, сэр".

И с этими словами я покинула кабинет.

Мэтт сидел на одном из стульев в приемной и возился со своей тростью, и даже отвернувшись от двери, я видела, как он покраснел.

Он встал с кресла и без единого слова последовал за мной, старательно избегая ударов своей трости, чтобы не натолкнуться на мой все еще невидимый хвост.

Только когда мы вошли в лифт, я осмелилась заговорить.

"Сколько вы слышали?", - спросила я.

"Наверное, больше, чем следовало бы, сэр... то есть мэм", - признался он с виноватым видом. "И что теперь?"

"Теперь?"

Лифт открылся, и я снова повела Мэтта в свой кабинет, хотя и ненадолго.

"Позволь мне заполнить эту форму. По дороге нам нужно будет заглянуть к нотариусу, а потом спуститься в здание суда".

Я достала лист бумаги, заполнила все, что нужно, затем протянула ему ручку и провела рукой по тому месту, где он должен был поставить подпись.

"Что я подписываю?", - спросил Мэтт, водя рукой по странице, словно автоматически ища шрифт Брайля, кончик ручки держал очень осторожно, не касаясь бумаги.

"Ходатайство о допуске в качестве студенческого адвоката", - сказала я ему. "Надеюсь, ты быстро учишься, Мэтью, потому что сейчас ты увидишь, как выглядит глубокий колодец с жопой вдалеке".

"Каламбур, мэм?" - спросил он, прежде чем снова покраснеть.

Я застонала, ущипнув себя за переносицу.

"В третий раз, Мэтью. Когда мы вдвоем, тебе не нужно придерживать вежливости, Ноа в порядке. И нет. Ты поймешь, если каламбур будет уместен".

"Да, мэм, то есть Ноа. Мэм", - он слегка потянул галстук, и узел сместился немного в сторону.

Благодаря этому изменению Мердок стал меньше походить на адвоката и больше на человека, пытающегося одеться как адвокат.

"Достаточно близко", - со вздохом сказала я, молча поблагодарив за то, что изменение его внешности означает, что люди, надеюсь, будут считать меня главным адвокатом.

"А теперь пойдем. У нас мало времени".